

◆ Джек Лондон. — Революция".

"Мысль". Л. 1924. Стр. 153.

Обещающее заглавие только обманывает. Никакой революции нет. Даже нет рассказов о революции, кроме одного, но о нем лучше не говорить. Остальное—ряд статей на разные темы—вялых и неоригинальных. Ценность — относительная — только у одной: "Охотники за золотом на севере", которую следовало бы поставить предисловием к "Клондайкским рассказам".

Ю. П.

◆ Синклер Льюис.—Главная улица. Новости иностранной литературы.

Ленинград. Стр. 402.

Странное чувство: читаешь — и нет-нет да опять посмотришь на обложку. Да, Синклер Льюис! Американец. Не русский. До такой степени ни на минуту не теряется впечатление, что вы медленно ползете в тяжелом, вместительном дедовском рыдване старого русского психологического романа, упрямо старающемся протиснуться через все "проклятые вопросы", и притом "сейчас", "сию минуту", "до завтрака". Что-то среднее между "Анной Карениной" и "Обрывом", как будто молодая американская проза переживает семидесятые годы русской литературы.

Да, это так. Для нас это—"вчера", даже "третьего дня". Но в англосаксонской литературе слишком затрепали сюжетно-авантюрный жанр, чтобы не сделать скачка в противоположную сторону. Отсюда—стимул "большой формы" (роман голого сюжета, использовав все трюки, по необходимости сжимался и концентрировался), пренебрежение к сюжету и установка на психологическую эмоцию и сильную личность.

Сходство подчеркивается даже "идеологией".

Прежде всего внешнее. Старый русский роман, по преимуществу, был провинциален, даже если местом действия избирал столицу, а героев выбирал среди "большого света". Это понятно: Россия—страна уезд-

ная—по крайней мере была такою в те дни. Но Америка! Оказывается, там сейчас новая школа "работает" тоже на материале провинции, какого-нибудь "Среднего Запада", "Уайнсбурге".

Есть и внутреннее. Казалось бы, Америка—страна индустрии, капитализма и близкой революции. Обычное наше представление о ней либо романтическое, либо промышленно-революционное. Но читатель, к удивлению своему, ни того, ни другого у Льюиса не найдет; он найдет там типично-русские плоскости: личность и "среду".

Пожалуй, не менее неожиданным окажется, что у этого обитателя небоскребов—Льюиса—никакого урбанизма, в сущности, нет. Только и хватает урбанизма, что на невероятное количество собственных фордов, патентованных зажигалок и других предметов домашнего обихода, так сказать, "вещизм". И этот "вещизм" решает интереснейший вопрос: может ли развитие материальной техники "способствовать счастью народов?"

Вывод Льюиса явно огорчительный:—вещь съедает человека.

Л. Голубь.

◆ Жорж Дюамель. — Жизнь мучеников.

"Земля и Фабрика". 1924. Стр. 128.

Литература протокола! — первое, что хочется сказать, когда читаешь эти отрывочные, сжатые, будто случайные очерки. Автор не справился с необычным, внезапно нахлынувшим материалом. Получилась публицистика, ряд кино-моментов одного бесконечного фильма—войны.

Да, все это есть. И тем не менее—перед нами новелла, и притом—новый жанр. Прежняя психологическая новелла сжалась до пределов, утратила все второстепенные, осложняющие мотивации, перипетия сведена к одному моменту завязки-развязки. Получилась "мемуарная" форма, связанная воедино общей для всех рассказов темой.

Унанимистские темы (автор унанимист)—Человек с большой буквы,